

Т.Н. ГРАНОВСКИЙ О НАУЧНЫХ ОСНОВАНИЯХ СОЕДИНЕНИЯ ФИЛОСОФИИ С ИСТОРИЧЕСКИМ ЗНАНИЕМ

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Тимофей Николаевич Грановский – знаковая фигура для своего времени. Его интерес к проблеме связи философии и исторического знания был продиктован его научной деятельностью в качестве историка-медиевиста, но в понимании значимости философии для исторических исследований он стоял на позициях профессионального философа. Будучи в высшей степени образованным человеком, получившим прекрасное образование, в том числе в европейских научных центрах и ориентированный в своем творчестве на образцы философско-исторической европейской мысли, он оставался оригинальным, самостоятельным мыслителем. Сила воздействия усвоенных им идей выражалась в том, что они побуждали к собственным изысканиям, преломлялись через потребности жизни страны и российского интеллектуального сообщества. Философские искания Грановского, его просветительская деятельность и, прежде всего, работа в качестве профессора Императорского Московского Университета, приучали образованных людей того времени задумываться над историей и судьбой своей страны, заставляли почувствовать невозможность жить в том «растерянном умственном и нравственном положении» (Анненков), в котором они пребывали. В общественном сознании формировалось ощущение причастности к духовному и цивилизационному развитию всего человечества, на базе которого получило развитие позитивное национальное самосознание, та национальная идентичность, основанием которой является осознание своей принадлежности не только к особой культуре, но одновременно и к культуре всего человечества. Поколения следующих десятилетий продолжили исследования в заявленном Грановским векторе осмысления историософской проблематики, обогатив отечественное интеллектуальное наследие идеями, заставившими говорить о русской философии как о соразмерной европейской. Все это, как справедливо заметил Н.И. Кареев, дает «ему право на то, чтобы поминать его имя не в одни знаменательные годовщины»¹.

Т.Н. Грановский о Всеобщей истории: идея «органической жизни»

Грановский первым в исторической науке вводит четкое разграничение понятий всемирной истории и всеобщей истории. В отличие от всемирной, всеобщая история, которую интересуют *события* в

их связи между собой, есть история развития человечества по пути к совершенствованию и своим предметом имеет то общее, существенное в истории отдельных народов, что позволяет представить историю как *всемирно-историческое целое*. Такое представление может сформироваться, был уверен Грановский, лишь при условии связи исторического знания с философией, ибо только обращение к философии гарантирует успех необходимого восхождения «от отдельных явлений к общему, неизменному», без которого история рассыпается на события и факты, никак не связанные между собой. Поиски всеобщего — это поиски закономерностей, объединяющих историческое движение отдельных народов в *живое единство* и прокладывающих путь к объяснению диалектики общечеловеческого и национального во всемирном историческом процессе. Философия позволяет соединить в одно целое истории отдельных народов и выявить тот закон, которому подчиняются их судьбы и судьба всего человечества. В этом смысле философия является «необходимым пособием для истории», дающим ей необходимое направление к всеобщему. Философия усиливает историю средствами и обогащает идеями, которые из самого исторического знания не могут развиваться². Более того, именно из философии историк заимствует «свою точку зрения и мерило, прилагаемое им к описываемым событиям и делам»³. Она вооружает историка мировоззренческими принципами, позволяющими понять интерпретируемые им события в их взаимосвязи и подчинении некоторым общим законам, увидеть через эту методологическую призму всеобщий вектор исторического движения человечества. Именно поэтому, был уверен Грановский, «ни одна наука не подвергается в такой степени влиянию господствующих философских систем, как история. Влияние это обнаруживается частью против воли самих историков, упорно отстаивающих мнимую самостоятельность своей науки»⁴. Обосновывая необходимость связи всеобщей истории и философии, Грановский проводил четкую разграничительную линию между ними, подчеркивая, что философия не может претендовать на то, чтобы диктовать законы в сфере истории, у которой, как и у философии, есть своя, определенная ее собственным понятием, граница. «Ее содержание составляют факты, данные опытом, определенные обстоятельствами. Ее форма не есть чистая отвлеченная мысль, а живое созерцание»⁵. Восходя от отдельных событий к общему, выявляя взаимосвязь исторических событий, всеобщая история «идет своим путем»: подобно естественным наукам, из *наблюдения* повторяющихся фактов она выводит общие законы.

Итак, главная идея всеобщей истории как знания, позволяющего понять исторический процесс во взаимосвязи всех охватываемых им конкретных историй отдельных народов, — это *идея развития*. Рассматривая историю как процесс, подчиняющийся общим законам,

Грановский делает принцип развития главным объяснительным конструктом своих логических построений. Усиливая его теоретическую значимость, он увязывает его с идеей «*органической жизни*», которую позиционирует как одну из самых плодотворных идей всеобщей истории⁶. Последняя, согласно его интерпретации, позволяет соотносить исторический процесс с теми же законами, каким подчинена жизнь всей природы с той лишь разницей, «что в природе этот процесс совершается как однообразное круговращение, в истории он совершается над вечно новыми предметами... Вечно новые противоположности, и никогда не возвращаются они к прежним пунктам, из борьбы их исходят вечно новые результаты»⁷. Введя применительно к истории понятие органической жизни, Грановский тем самым определил границы гегелевского рационализма, связав перспективы исторического знания с выходом на пространство других, в том числе естественных, наук. Идея органической жизни очевидно заимствована им из естествознания, свидетельствуя о влиянии позитивизма, к этому времени уже получившего признание в научном европейском сообществе. Влияние естественных наук он видел в понимании важности культурно-исторических, географических, политико-экономических факторов в жизни народов. Иными словами, «история, принятая как развитие органической жизни, получает единство и средоточие, из которого исходят и к которому сходятся все отдельные явления и силы»⁸.

Конечно, понятие органической жизни со времен Грановского претерпело содержательные изменения, но его исследовательский потенциал и сегодня не утратил своего значения, подтверждая научную значимость высказанных Грановским идей. Представляется, что эта идея созвучна утвердившемуся в наши дни в социальной философии понятию *открытой саморазвивающейся системы*: источник движения истории заложен в ее природном основании, т.е. будущее *прорастает* из настоящего, которое, в свою очередь, *впитывает* в себя прошлое. «История есть цельный организм жизни, в котором прошлое, настоящее и будущее находятся в постоянном между собой взаимодействии»⁹, — утверждал Грановский. Связь «прошлое — настоящее — будущее» есть *заданная историческая программа*, реализующаяся на каждом витке истории через преодоление себя в качестве жесткой схемы и потому готовая к конкретно-историческим вариациям. Все события, как бы далеко они от нас ни отстояли, продолжают в своих результатах, т.е. находят постоянный отклик в настоящем и в этом смысле не имеют законченной формы. В недооценке этого факта Грановский видел главную причину фатализма, с которым не мог согласиться как с мировоззрением, снимающим с человека ответственность за его поступки, обращающим «его в слепое, почти бессознательное орудие роковых предопределений»¹⁰. Впрочем, он

не принимал и другую крайность — произвольных попыток внести в хаос событий связующую идею, считая такие попытки равноценными искажению исторической правды.

Конкретно-исторические вариации диалектики «прошлое — настоящее — будущее» дают необходимый исторический материал (социальное пространство) для необходимости, которую можно назвать естественной, лежащей в основании всех важных явлений жизни народа. Таким образом, историческое движение человечества, с одной стороны, осуществляется в соответствии с некоторой заданной программой, которая заключается в его стремлении к совершенствованию, к «умножающейся непрерывно сумме знаний и опытов», а с другой стороны, постоянно подпитывается импульсами извне, исходящими от складывающихся геополитических и социально-культурных условий. В итоге движение истории приобретает весьма сложный, причудливый, а иногда и «внешне неправильный» характер. Утверждение нового всегда сопровождается «порчею чего-нибудь существующего» в пользу пока не существующего, не вызванного к жизни (например, европейская реформация посеяла раздор в Европе, стала причиной раскола ее культуры). Грановский первым в отечественной литературе высказал мысль о двойственности, противоречивости исторического прогресса, являющего нам непрерывное «зрелище процветания и увядания, жизни и смерти».

Роль переходных форм в историческом развитии человечества

В обосновании мысли о противоречивости исторического прогресса особую функцию выполняет идея о роли переходных эпох (форм) в историческом развитии человечества. Переходные формы, считал Грановский, суть периоды *подготовки* к качественно новому историческому состоянию, в котором задействованы *все* сферы исторической деятельности человека, включая его отношения с природной средой. Эти периоды истории настолько интересовали Грановского, что он хотел посвятить их исследованию отдельную работу «О переходных формах в истории человечества», но от этого замысла, к сожалению, остался лишь небольшой черновой набросок¹¹. «При самом начале моих занятий историей эти печальные эпохи приковали к себе мое внимание, — писал Грановский. — Меня влекла к ним не одна трагическая красота, в какую они облечены, а желание услышать последнее слово всякого отходившего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей. Мне казалось, что только здесь возможно опытному уху подслушать *таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле* (курсив мой. — И. С.)»¹². Представляется, что идея переходных форм перекликается с мыслью Герцена о хаосе как катализаторе поступательного движения человечества. Видимо, идея «витала в воздухе»,

что само по себе знаменательно, наполнение же ее конкретным содержанием определялось направленностью исследовательского интереса: если у Грановского этот интерес связан с попытками понять и объяснить историю средневековой Европы периода распада Римской империи, то у Герцена — с попытками понять российскую историю периода Смуты. Но и в том, и в другом случае в характеристике переходного этапа превалирует оценка хаоса как *ускорителя появления нового*. Эту идею можно отнести к упреждающим свое время.

С переходными эпохами у Грановского связан *выход из равновесного, т.е. застывшего в «замкнутости на себя»* состояния в качественно иное, фиксирующее появление нового цивилизационного критерия, с которым, будучи верным духу Просвещения, он связывал определенную совокупность идей, выражающих особенности народного духа на определенной ступени его исторического развития. «Не всякое время, озаменованное переменами в судьбе народов, можно назвать переходными эпохами. Эти эпохи узнаются по особенным, их исключительно обозначающим признакам». И, размышляя на эту тему, Грановский замечает в черновом варианте текста: «...в них изменяются не одни формы, а разлагается самая сущность обществ: религиозные верования, гражданские убеждения, семейная нравственность»¹³. Так, суммой идей, определившей жизнь и направленность развития греческой цивилизации, считал Грановский, была идея совершенного государственного устройства, получившая наиболее полное воплощение в городах-полисах, жизнь которых проходила в тесной взаимосвязи с развитием всей духовной жизни, со всесторонним развитием каждого гражданина. Для феодализма такой основополагающей идеей была идея свободы, породившая превалирование эгоистического, индивидуалистического начала, граничащее с личным произволом. Для Нового времени решающей стали идея «нравственного государства», охраняющего личную свободу, и идея определяющей роли научного знания в движении человечества по пути прогресса, — знания, сменяющего религию в ее качестве движущей силы истории. Именно под этим углом зрения Грановский рассматривает «уход» Античности из исторической жизни, распад Римской империи. Последний он интерпретирует как переход от древней истории к новой, от языческой истории — к христианской (набеги варваров в этом историческом контексте предстают только как сопутствующий фактор). В таком же ключе дается оценка истории Востока, которая, хотя и богаче европейской событиями и переворотами, бедна переходными эпохами, поскольку события, характеризующие ее, совершались «как бы на поверхности», а смена царств происходила в рамках единого цивилизационного критерия (одной «совокупности идей»). Последнее и объясняет, почему Восток надолго выпал (по европейским меркам) из вектора поступательного исторического движения.

Переходные эпохи становятся исторической площадкой для политических, социальных и экономических инноваций, для модернизации заложенной в основание истории логики исторического процесса. На вопрос о причинах самих переходных эпох Грановский отвечает достаточно определенно: переходные эпохи свидетельствуют о том, что конкретная историческая цивилизация *исчерпала себя*, прожив периоды своей юности, зрелости и старости. Нетрудно заметить, что такой ответ подспудно содержит все ту же мысль о естественности, органичности исторического движения человечества. Для нашего рассмотрения проблемы важен вопрос, *почему* эти этапы в истории человечества становятся катализаторами ее нового состояния. Поэтому, считал Грановский, что их наступление связано с ослаблением давления на ход истории заложенных в ее основание «предопределений», что связано в свою очередь с *расширением возможностей активного включения человека в исторический процесс*. В этом плане представляют интерес его последние, 1851 г., публичные чтения — «Тимур», «Александр Великий», «Лудовик IX», «Бэкон»¹⁴. В эти периоды (в этих точках бифуркации, как сказали бы мы сегодня) история ставит человека в *ситуацию социального выбора* и, соответственно, выбора способов воздействия на направленность исторического движения. Истории, писал Грановский, «дан закон, которого исполнение неизбежно, но срок исполнения не сказан — десять лет, или десять веков, все равно. Закон стоит как цель, к которой неудержимо идет человечество; но ему нет дела до того, какую дорогою оно идет, и много ли потратит времени на пути»¹⁵. Вопрос о том, какой дорогой идти, решается в переходные эпохи; в эти же периоды формальная логика закона наполняется (подправляется) конкретно-историческим содержанием.

Наделяя человека свободой воли и правом выбора, Грановский поставил важный вопрос: осуществляется ли деятельность человека *в согласии* с историческим законом, способствует ли она (или, напротив, препятствует) утверждению новых форм общественной жизни и соотносящихся с ней идей — религиозных, нравственных, политических и т.п.¹⁶ Тем самым он утверждал правомерность включения в историческое исследование, наряду с требованием объективности интерпретации исторических событий, их оценку историком-исследователем. «Пристрастие, — писал он, — бывает постыдное, когда куплено какой-нибудь выгодой, или обещанием; но пристрастие, проистекающее из убеждения, будет ли оно основательно или нет, не только не предосудительно в истории, но даже придает ей большой интерес»¹⁷. Сам Грановский всегда следовал этому требованию: оставаясь на позициях объективного изложения событий, он включал в анализ, со свойственным ему «тактом сердца», их нравственную оценку. Историк не должен (и не может) отказывать себе ни в симпатиях к побежденным, ни в презрении к победителю, но дело не только

во внутренних побуждениях исследователя, дело еще, и прежде всего, в том, что исторический процесс, осуществляется под воздействием нравственных позиций его субъектов. Такая постановка вопроса была *инновационной* для отечественной общественной мысли и стала ее точкой роста, позволив включить в нее тему добра и зла как *историко-философскую проблему* (Вл. Соловьев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк).

С этих методологических позиций Грановский рассматривал проблему отношения российской истории к истории Европы, вопрос о месте и роли России в общеевропейском культурно-цивилизационном процессе. Пути России и Европы, считал он, разошлись в силу ряда геополитических и исторических причин, приведя к образованию различных социальных структур: в России структурообразующим началом стало государство, а не гражданское общество¹⁸. Но гораздо важнее оказалось то, что большая часть благ древнего мира досталась в удел германским племенам. Славяне пришли позже и не нашли на почве, занятой ими, тех поучительных развалин, которые достались германскому племени, поэтому «цивилизацию свою они должны были *выждать и выстрадать* (курсив мой. — И. С.)»¹⁹. И снова нельзя не заметить, что взгляд на отечественную историю определяется рассмотрением ее как организма, жизнь которого включает взаимодействие специфических условий собственного существования и общего закона движения (от Прошлого к Настоящему и через него — к Будущему), и потому — как жизнь, наполненная «выжиданиями и страданиями». История России осуществлялась в соответствии с этим общечеловеческим законом и в этом смысле не в отрыве от истории Европы. Но шла она «своим путем».

Итак, движущий импульс истории в интерпретации Грановского есть пересечение исторической необходимости с нравственно мотивированной, т.е. целеполагающей, деятельностью людей. Это делает историю *открытой для вариаций*, наделяя способностью, с одной стороны, сохранять заложенные в ней механизмы, обеспечивающие движение по восходящему вектору, а с другой стороны, — с готовностью находить общественные, конкретно-исторические формы, адекватные новым историческим смыслам и идеалам. Признавая необходимость в качестве общего для всех народов основания исторического развития, Грановский отводил ему роль, по оценке Герцена, некоего *Deus implicitus*, предоставляющего полную волю и полный разгул жизни²⁰. Это отличало не только его взгляд на историю, но и его понимание задач философии истории.

Задачи философии истории в ее отношении ко всеобщей истории

Введение в научный аппарат исторического знания понятия «всеобщая история» определяло характер отношения Грановского к

каноническому для его времени толкованию философии истории и включаемой в ее область проблематики. Прежде всего, это коснулось гегелевской философии истории, расцениваемой Грановским как наиболее слабая часть его философских построений и выявляющей гегелевские пристрастия к умозрительным схемам (историческому логицизму). Сформировавшийся как исследователь под влиянием немецкой философии и, как большинство российских интеллектуалов того времени, прежде всего философии Гегеля, Грановский с самого начала своего творческого пути определил для себя границы следования гегелевскому рационализму. Можно сказать, что ученик, просто пошел другим путем, потому что поставил иные исследовательские задачи. Поэтому гегелевские идеи, как замечает В.И. Приленский, не овладели его умом, а «лишь расширили его кругозор, позволили ему в дальнейшем более углубленно относиться к различным, порой очень сложным, перипетиям исторической жизни»²¹. Скорее всего, так и было, что и объясняет тот факт, что у Грановского была своя позиция при рассмотрении роли философии истории в исторических исследованиях. Методологическое значение философии истории конкретизировалось и раскрывалось через толкование содержания и предмета всеобщей истории. Выше отмечалось, что за последней закреплялась сфера знания, «ответственная» за восхождение от частного к общему, за поиск и определение общих начал исторического процесса. Эпистемологическая сторона проблемы, т.е. вопрос о том, какими познавательными средствами это достигается, им не рассматривался, — этот вопрос станет предметом специального рассмотрения позже, в частности, у Н.И. Кареева. Поэтому понятия «всеобщая история» и «философия истории» часто употреблялись им как синонимы, последняя, считал он, едва ли может быть предметом отдельного от всеобщей истории изложения. Для Грановского вопрос об их терминологическом содержании (различии) в общем-то не имел значения, хотя он и признавал, что всеобщая история и философия истории суть отличные друг от друга виды знания.

Для понимания отношения Грановского к проблеме, повторю, следует учитывать его неудовлетворенность гегелевской философией истории. Именно против нее был направлен пафос и содержательный смысл его всеобщей истории. Эта неудовлетворенность, отражавшая созвучие его исследовательских позиций современному ему знанию (не в последнюю очередь получавшим распространение позитивистским идеям), была связана с неприятием жесткого давления логических схем на интерпретацию исторических фактов. Главный его упрек в адрес философии истории (в том виде, в каком она представляла в изложении Гегеля), был направлен против ее якобы претензий прилагать умозрительные схемы к отдельным периодам всемирной истории и истории в целом. Тем самым, считал он, философия истории укло-

нялась от своего настоящего призвания, ибо ее сфера — это феноменология духа²². По мнению Грановского, философско-исторические идеи, непосредственно включенные в анализ исторического материала, могут его подавлять, о чем свидетельствуют многочисленные исторические построения, ориентированные на толкование природы и векторов исторического процесса. В своей речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории», произнесенной на торжественном собрании Императорского Московского Университета в 1852 г., Грановский сказал об этом со всей определенностью: «Слабая сторона философии истории, в том виде, в каком она существует в настоящее время, заключается, по нашему мнению, в приложении логических законов к отдельным периодам всеобщей истории. Осуществление этих законов может быть показано только в целом, а не в частях, как бы они ни были значительны»²³.

«Общее начало», из которого исходит философия истории как специальная область знания, считал Грановский, есть тождество бытия с мышлением, природы с духом, «согласие зримого с незримым». В основании философии истории лежит признание Абсолюта, *открывающего себя в явлении*. У истории есть две стороны: с одной она предстает через свободное творчество человеческого духа, с другой — через независимые от него природные условия его деятельности. Если для Гегеля ситуация, при которой факты, не укладывавшиеся в логику всеобщего, расценивалась по схеме «тем хуже для фактов», то, по мнению Грановского, такой ситуации для историка вообще не может быть, ибо дух и мир подчинены одному закону, совершают один и тот же процесс развития по формуле «одно отражается, как в зеркале, в другом». «Сверх логической необходимости, — писал Грановский, — есть в истории другая, которую можно назвать естественною, лежащая в основании важных явлений народной жизни. Ей нет места в умозрительном построении истории; ее нельзя вывести из законов разума, но ее нельзя также отнести к сфере случайности, потому что она принадлежит к числу главных, определяющих развитие наших судеб, двигателей истории»²⁴. Для Грановского проблема состояла в том, как уравновесить традиционный философско-исторический логицизм и естественноисторические методы, за которыми он видел будущее исторического знания. При жестком следовании логическому методу невозможно достигнуть глубокого понимания отдельных явлений и их значения в целом, поскольку при этом естественные факторы истории утрачивают свой смысл и значение. Ссылаясь на исследование К. Гинрихсена «Германисты и пути истории» (1848) он, цитируя автора, защищает тезис: природа есть постоянная спутница духа, с которым она действует в гармоническом единстве, человек и человечество подчинены ее неизменным законам. Новый метод исследования истории «должен возникнуть из внимательного изучения

фактов мира духовного и природы в их взаимодействии (курсив мой. — И. С.). Только таким образом можно достигнуть до прочных основных начал, т.е. до ясного знания законов, определяющих движение исторических событий»²⁵. И только тогда, думал Грановский, мы достигнем той «правильности» в толковании сути исторического процесса, которая до сих пор ускользала от внимания исследователей.

Некоторые исследователи склонны оценивать эту позицию Грановского как проявление дуализма (следование объективному идеализму и позитивизму). Мне представляется, что речь скорее может идти о позиции, которую Л.Н. Столович определил как системный плюрализм, в рамках которого категории «идеализм», «материализм», «рационализм», «эмпиризм», «позитивизм» и т.п. — могут характеризовать всю систему философских воззрений *только в своей совокупности*²⁶. Именно такая позиция характеризует исследования Грановского по истории Средневековья, в которых очевидно одновременное следование принципам конкретно-исторического анализа и метафизики, материализма и идеализма, позитивизма и аксиологии. Можно сказать, что Грановский стоит у истоков такого подхода, определившего через некоторое время специфический для русской философии вектор ее изысканий. Подобными были философские воззрения В.Г. Белинского, реализм А.И. Герцена, антропологизм П.Л. Лаврова, философия здравого смысла В.В. Розанова, философия всеединства Вл. Соловьева, философия С.Л. Франка, С.Н. Булгакова²⁷. Грановскому, блестящему, непревзойденному миссионеру западного философско-исторического знания, принадлежит *первенство* в реализации комплексного воззрения на историю. Его всеобщая история, разрабатывавшаяся в соответствии с этим принципом, стала своеобразным знаком времени. Он демонстрировал талант историка, которому блестяще удавалось всякий раз проводить историческое исследование, как пишет А.А. Левандовский, «между Сциллой логического фатализма и Харибдой бесплодного эмпиризма»²⁸, оставаясь верным методу конкретно-исторического анализа и одновременно методологическим принципам философско-исторического подхода к истории. С именем Грановского связано утверждение в историческом знании парадигмы, обозначившей переход на новый, отвечающий запросам времени, уровень, концептуальное оформление того направления в отечественной общественно-философской мысли, которое надолго получит название западничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кареев Н.И. Историческое мировоззрение Грановского // Кареев Н.И. Собр. соч. — СПб., 1912. Т. 2. С. 60.

² См.: Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья (Авторский конспект и записи слушателей). — М., 1961. С. 42.

³ Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории // Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. – М., 2010. С. 446.

⁴ Там же.

⁵ Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. С. 42.

⁶ См. там же. С. 43.

⁷ Там же. С. 44.

⁸ Там же. С. 46.

⁹ Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории. С. 450.

¹⁰ Там же. С. 447.

¹¹ См.: Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. С. 199 – 202.

¹² Примечательны следующие слова-признание, значащиеся в черновом варианте этого авторского наброска: «...изучению этих эпох я обязан всем, что в моем понимании истории может быть живого и истинного» (Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. С. 199).

¹³ Там же. С. 201.

¹⁴ См.: Грановский Т.Н. Публичные чтения. Статьи. Письма.

¹⁵ Грановский Т.Н. Соч. Т. 2. – СПб., 1856. С. 320.

¹⁶ Именно в таком ключе выполнена докторская диссертация Грановского «Аббат Сугерий», ставшая заметной вехой в объяснении не только и не столько средневековой истории Европы, сколько в утверждении идей всеобщей истории.

¹⁷ Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. С. 305.

¹⁸ Нельзя не согласиться с В.И. Приленским, что «в этом смысле Грановского в какой-то мере можно считать своеобразным предвестником появления так называемой государственной школы в русской историографии, представленной такими менами, как К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин» (см.: Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. – М., 1995. С. 139).

¹⁹ Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. С. 138.

²⁰ См.: Герцен А.И. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 3. С. 408.

²¹ Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. С. 56.

²² Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории. С. 445.

²³ Там же. С. 444 – 445.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 449.

²⁶ Столович Л.Н. О теории плюрализма в русской философии // Философские науки. 2012. № 6. С. 39. «Диалектика системного плюрализма основана на диалектике единого и многого, части и целого, элементов и системы. Системный плюрализм – это синтез, “снимающий” крайности “тезиса” и “антитезиса”» (Там же. С. 41).

²⁷ См.: Столович Л.Н. Плюралистичность в русской философии // Философские науки. 2012. № 9.

²⁸ Левандовский А.А. Время Грановского. – М., 1990. С. 291.

Аннотация

В статье рассматривается понимание Грановским роли философии в развитии исторического знания на его пути к всеобщей истории как науке об общих основаниях всемирного исторического процесса, и в этой связи – интерпретация им задач и проблематики философии истории. Отдельное внимание уделяется идее Грановского об «истории как органической жизни» и роли переходных эпох в ее развитии.

Ключевые слова: историческое знание, философия, всеобщая история, Абсолют, исторический закон, природные условия, прогресс, субъект истории, переходные формы, естественно-исторические методы истории.

Summary

The article deals with Granovsky's understanding of the role of philosophy in the development of historical knowledge into the universal history, which is the science of the general foundations of world historical process. Thereupon the author examines Granovsky's interpretation of the objectives and problems of philosophy of history. Special attention is paid to Granovsky's idea about the «history as organic life» and the role of transitional periods in its development.

Keywords: historical knowledge, philosophy, world history, the Absolute, historic law, natural conditions, progress, subject of history, transitional forms, natural and historical methods of history.